

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

На правах рукописи

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И ПОЭТИКО-СИМВОЛИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦВЕТОБОЗНАЧЕНИЙ (на материале русского и азербайджанского языков)

Специальности: 5707.01 – Славянские языки
5706.01 – Азербайджанский язык

Отрасль науки: Филология

Соискатель: **Алиева Кенюль Назим гызы**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора философии

БАКУ – 2024

Диссертационная работа выполнена на кафедре Современного русского языка Бакинского славянского университета.

Научный

руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Гамидов Ильяс Гамидулла оглу

Официальные

оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
Джафаров Микаил Магамед оглу

доктор филологических наук, профессор
Садыгова Саялы Алллахверди гызы

доктор философии по филологии, доцент
Асадов Захир Вахид оглу

Разовый Диссертационный совет BFD 2.13/1 на базе действующего при Бакинском славянском университете Диссертационного совета ED 2.13 Высшей Аттестационной Комиссии при Президенте Азербайджанской Республики

Председатель

Разового

диссертационного
совета:

доктор филологических наук, профессор
Кулиева Рагиля Гусейн гызы

Ученый секретарь

Разового

диссертационного
совета:

доктор филологических наук, профессор
Халилова Тамилла Абдулмаджид гызы

Председатель

Разового научного
семинара:

доктор филологических наук, профессор
Шюкюрбейли Таваккуль Гади оглу

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы и степень изученности. Из существующей литературы по теории цвета видно, насколько многообразен, многогранен цвет как объект различных наук и сфер исследования, которые складывались по мере отражения различных сторон интересов человека к категории цвета. Существуют работы, в которых исследуются чисто физический аспект цветоведения – физические, физико-оптические параметры цвета. Исследователи физико-оптического аспекта цвета единодушны в том, что *«понятие цвета как какого-либо ощущения или же восприятия намного шире и сложнее, чем чисто психофизическая оценка того или иного цвета»*¹. Следовательно, цвет был и продолжает оставаться объектом не только психофизическим, но и психофизиологическим. Для убедительности достаточно просмотреть научные наблюдения Ф.Н.Шемакина и И.Нечаева.

Особой актуальностью и интенсивностью изучения отмечался этнографический (этнопсихологический) аспект, освещающий проблему в плане соотношения этнической культуры и цвета (и системы цветообозначений). Особенности данного аспекта четко сформулированы Л.В.Самариной в ее обзорной статье, в которой рассматриваются основные направления и проблемы зарубежных исследований в плане соотношения этнической культуры и цвета. Автор пишет, что *«...по отношению к культуре цвет выступает не просто как неотъемлемое свойство среды, природной или искусственной, но и как своеобразная, но существенная сторона духовного опыта человечества, одна из первичных форм его фиксации и систематизации»*². В сфере этнопсихологического освещения вопросов цвета и цветообозначений, естественно

¹ Ивенс, Р. М. Введение в теорию цвета / Р. М. Ивенс. – Москва: Иностранная литература, – 1964. – 443 с.

² Самарина, Л.В. Традиционная этническая культура и цвет (основные направления и проблемы зарубежных исследований) // – Москва: Этнографическое обозрение, – 1992. №2, – с.147-156.

вырисовываются более частные проблемы, связанные с измерительно-физическим и феноменологическим осмыслением цветоощущений, таких оппозиций, как а) цвет и время; б) цвет и пространство; в) цвет и аксиологические отношения и.т. п.

Объективное существование отмеченных оппозиций подтверждает уже ставшая общепринятой мысль, что четкой дифференциации между аспектами теории цвета и системы цветообозначений проводить невозможно, так как зависимость цветовосприятия, «цветопонимания» пронизывает не только область человеческого бытия (его психику, его биологические данные и физиологическое устройство его зрения), но и его абстрактно-познавательные параметры и его теоретико-практические (аксиологические, оценочные) отношения, представленные в многочисленных описаниях цветовых коллизий. Таким образом, этнокультурологический аспект осмысления теории цвета и системы цветообозначений оказывается тесно связанным с социокультурной трактовкой и, особенно сильно, с сугубо лингвистическим осмыслением феномена цвета.

Чисто языковой аспект исследования проблемы цвета также насчитывает большое количество научных исследований. Среди них следует отметить, работы Ф.И.Шемякина, Р.М.Фрумкиной, Н.Б.Бахилиной, Л.М.Грановской, М.А.Суровцовой, С.Д.Кацнельсона и многих других, принципиальным объектом изучения для которых служили вопросы исторического становления и развития семантической структуры слов-названий цветов. Лингвопоэтический аспект изучения концепта и системы цветообозначений стал в последнее время плацдармом для целого ряда направлений в развитии «лингвистики цвета» – для сопоставительно-типологических исследований зоны цвето-наименований в разносистемных языках. Сопоставлением системы цветоименований в различных языках занимались, М.И.Черемисина, Ю.В.Зольникова, Х.Х.Фридман, Г.С.Свешникова, А.П.Василевич, В.Г.Кульпина и другие.

Очень часто в исследованиях цветовой лексики для объяснения понятийного содержания слов-цветонаименований авторы привлекают материалы из других наук, в том числе и из

медицинской колористики. Подобные формы синкретического анализа актуализируются, на наш взгляд, прежде всего многомерностью и многослойностью самого общего концепта «цвет» и лингвопсихологическим восприятием различных цветов как онтологических сущностей. Здесь решающее слово принадлежит поэтико-метафорическому представлению цветов и, особенно, символическому осмыслению, символической трактовке и применению цветов и их наименований. Об этих характеристиках цветов и их обозначений будет сказано в соответствующих главах настоящего исследования.

Несмотря на большое количество исследований в области лингвистики, лингвопоэтики и лингвосимволики цветов и цветообозначений, метаязыковые понятия (отдельные термины и терминосочетания, и т.п.) в этой области особой четкостью и системностью не отличаются. Об этом же говорится в работах многих авторов, с которыми мы вполне солидаризуемся. Терминологическому разнобою, существующему в науке о цветах (о цветоведении), посвящена даже отдельная работа Борисовой Д.Н. *«К проблеме выбора термина для названия форм цветообозначения в языке»*³. Нет четкости также в системе обозначений недоминантных форм того или иного цвета в синонимическом ряду. Зачастую значения хроматических и ахроматических цветов квалифицируются недифференцированно: цвета, представленные в спектральной системе (хроматические), приравниваются к цветам, не входящим в означенную систему, хотя эти две онтологически противопоставленные группы цветов и их обозначения отличаются не только по своим лингво-дериватологическим возможностям, но и по своей потенции вхождения/невхождения в символаобразующую систему. При всей многочисленности работ в области науки о цветах все еще нет конкретного ответа на вопрос о количестве (системе) исходных, этнопсихологически первичных и непервичных цветов. Этот вопрос – один из центральных в теории цвета – решается по-

³ Борисова, Д.Н. К проблеме выбора термина для названия форм цветообозначения в языке// – Челябинск: Вестник Челябинского государственного университета, – 2008, № 21, – с.32-37.

разному в зависимости от биологической, психологической, этнокультурологической, физической точек зрения. Решение целого ряда проблем колористики (т.е. теории цвета) связано, на наш взгляд, с постановкой и адекватной характеристикой вопроса о соотношении функционального бытования цветообозначений в пределах а) обыденного языка; б) поэтико-метафорической системы; в) логико-символической сферы.

В абсолютном большинстве исследований этнокультурологической и этнопсихологической ориентации заключения авторов основываются на материале обыденной речи аборигенов – носителей бесписьменных или так называемых неразвитых языков. Здесь, видимо, следует использовать консервативные слои языка-речи этноса, народа, те слои лексики и лексико-грамматических конструкций, которые сами по себе носят печать мыслительных и поэтико-символических возможностей народа. Такой базой, следовательно, может быть паремиологический фонд того или иного языка, пословицы, поговорки, загадки, присловья, приметы и другие малые жанры фольклора. В этой связи хотелось бы, привести замечательные слова С.Д.Кацнельсона, сказанные по поводу изучения первобытного этнического мышления: *«Чтобы появилась более глубокая исключительно мысли о характере первобытного сознания, необходимо обращать внимание не на странные и несостоятельные утверждения диких людей или на мнимые элементы первобытной идеологии, а на те ценные аспекты объективного и продуктивного мышления, которые в древние времена служили основой для развития рационального мышления в будущем. Самое полное и непосредственное выражение рационального содержания первобытного мышления можно найти в фактах, связанных с языком, который был основой практического мышления в тот период»*⁴.

Задачи, актуализирующие наше исследование, обуславливают выбор материала анализа, т.е. источников языковых факторов, которые будут подвергаться комплексному

⁴ Кацнельсон, С.Д. Язык поэзии и первобытно-образная речь// – Ленинград: Общее и типологическое языкознание, – 1986, – с.86-106.

семантико-структурному и поэтико-метафорическому анализу. Наше намерение «сквозного» рассмотрения единиц цветообозначений в системе трех отмеченных выше позиций предполагает привлечение активного и пассивного материала как из обыденного языка, как из индивидуально-авторской речи, так и из паремиофразеологического фонда языка. Картотека наша насчитывает около 3000 единиц микротекстов, в которых представлены цветообозначения. Особый интерес для нас представляют лексикографические источники, фразеологические, паремиологические словари-справочники, работы по теории метафоры, а также всевозможные энциклопедии колористических символов, традиционно применяемых в тех или иных религиозно-философских, социально-исторических и этнокультурологических сферах.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является функциональная значимость цветообозначений в пределах системно соотнесенных сфер языка-обыденной речи, поэтико-метафорической сферы и философско-символической области. Предметом исследования при этом являются языковые единицы – колористические понятия (т.е. цветонаименования) двух неродственных языков и закономерности, и их функционирования в пределах указанных логико-лингвистических сфер.

Цели и задачи исследования. Всестороннее представление функционирования особой группы лексических единиц в двух разносистемных языках на разных семантико-смысловых уровнях – обыденной речи, паремиологических конструкций, поэтико-метафорической и символической систем, установление на этой базе типологии ахроматических и хроматических, а также основных и неосновных цветов и цветообозначений. Основные **задачи** диссертации:

- установление основных параметров смысла цветообозначений, определяющих их семантическую структуру в сугубо лингвистическом плане;
- выявление причин широкого смыслового применения одних цветоназваний и узкого смыслового использования других;

- рассмотрение объема соотнесенности этой группы лексических единиц в обоих языках;
- аргументирование наличия стабильного использования цветонаименований в обоих языках и универсальность/специфичность семантических расслоений данных единиц для обоих языков;
- определение закономерностей функционирования цветообозначений в различных областях лингвистики, начиная от непринужденной речи вплоть до геральдической системы;
- описание возможностей проявления идиостиля того или иного писателя и его влияния на расширение смыслового объема цветообозначения;
- выявление причин грамматической разнофункциональности одних цветообозначений и монофункциональности других и фактической универсальности данного явления для обоих языков.

Методы исследования: традиционный комплексный лингвистический анализ с привлечением элементов когнитивного анализа (в плане установления фрагментов особой «картины мира»).

На защиту выносятся следующие основные положения:

- Вопросы теории цвета (колористики) и системы цветообозначений нуждаются во многих деталях либо в совершенно новом толковании, либо в корректировке их теоретического осмысления. Во многих случаях, за исключением конкретного лингвистического описания семантической структуры отдельного слова, научный анализ системы цветообозначений закономерно выходит за пределы сугубо языкового (речевого) анализа, вбирая в себя аспекты социально-психологического, физического, этнокультурологического и даже логико-философского понимания предмета; это обусловлено нерасторжимой многогранностью самого объекта.

- Отмеченная группа слов (по подсчетам А.П.Василевича – около 250 названий в русском языке, по нашим подсчетам около – 170 – в азербайджанском) должна быть привлечена к функциональному анализу комплексно – совмещая уровни их

функционирования – обыденную речь, поэтико-метафорическую систему и систему символьного применения.

- Поэтико-метафорическая область дает ответы на вопросы: о возможных «перспективах» расширения семантического объема того или иного обозначения, о системных/несистемных формах употребления цветообозначений, о возможностях их грамматического функционирования (в роли сказуемых – предикатов, определения, обстоятельства; в краткой форме, в форме сравнительной степени) и о словообразовательных потенциях. Данный аспект изучения блока цветолексем одинаково актуален для обоих языков.

- Для установления многих категориальных свойств цвето-наименований, а также колористики вообще, на наш взгляд, достаточно серьезно «разглядеть» колористические паремioфразеологические единицы языка – эти памятники языка, психологии и философии мироведения человека. Знаково-символическая функция цветообозначений изучена фрагментарно. Эта функция – сама консервативная из всех функций, которые выполняет цветолексема. Поэтому она заслуживает особо системного изучения: считаем, что, хоть слабое, начало нами положено.

Научная новизна диссертации. Заключается в том, что а) в ней впервые ставится и решается вопрос о системном проявлении семантической полуфункциональности цветообозначений в разносистемных языках – русском и азербайджанском; б) предпринята попытка теоретического представления понятия-цветонаименования в функции языковой единицы, которая, благодаря наличию в семантической структуре особой смысловой энергетики, обладает способностью имплицитного (скрытого) совмещения категорий времени и пространства; в) аргументируется, что отмеченное свойство этих языковых единиц служит в онтологии и феноменологии, базисным для формирования как поэтико-метафорических, так и символических смыслов; г) цветонаименования во всех базисных проявлениях смысла составляют фонд универсальных средств выражения в обоих языках.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Данный материал в отмеченном сквозном срезе, объединяющий обыденную речь и сферу поэтико-символического применения, (причем на материале двух неродственных языков), не изучался. В работе выявлены возможности системного и окказионального употребления анализируемых единиц, подведена некоторая основа под категорию «основные/неосновные цвета» с точек зрения не только лингвистической, но и лингвокультурологической и логико-философской. Отмечается особая роль индивидуальных стилей (идиостилей) мастеров художественного слова в развитии семантического объема того или иного обозначения, их семантической структуры, квалифицируются основные параметры паремиофразеологического использования цветообозначений и выдвигается идея необходимости использования, свойств единиц этого фонда при определении этнокультурологических категорий, поскольку пока нет устойчиво сложившихся механизмов различных экспериментов с «аборигенным контингентом».

Практическая значимость исследования определяется возможностью широкого использования результатов анализа в практике составления спецкурсов по общей теории языка, по этно-лингвокультурологии, а также по теории знаков (семиологии).

Апробация и применение диссертации. Основные положения диссертации представлены в докладах, сделанных на республиканских и международных научных конференциях за рубежом; основные результаты исследования в виде статей опубликованы в сборниках «Вопросы филологии», «Ученые записки» БСУ, «Актуальные проблемы изучения гуманитарных наук» и др. Диссертация обсуждена на совместном заседании кафедр современного русского языка и современного азербайджанского языка БСУ и рекомендована к защите.

Организация, где была выполнена диссертация. Диссертация выполнена на кафедре Современного русского языка Бакинского славянского университета.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения – 9 страниц, 15031 знак, трех глав, первая глава – 16

страниц, 24769 знаков, вторая глава – 60 страниц, 94201 знак, третья глава – 45 страниц, 73017 знаков, заключения – 7 страниц, 8737 знаков и списка использованной литературы – 18 страниц, 24316 знаков. Объем текста диссертации составляет 135 страниц и 215755 знак.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор темы исследования и ее актуальность, определяются объект и предмет исследования, степень изученности темы, цель и задачи, теоретическая и практическая значимость работы, ее научная новизна, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава **«Некоторые вопросы теории цвета и этнокультурологического восприятия цветов»** состоит из двух параграфов.

В первом параграфе **«Человек – окружающий мир – цвета»** приводятся сведения о теоретических направлениях и дискуссиях, касающихся общих и частных вопросов теории цвета, а также данные, связанные с феноменом цвета и его сущности. Любое серьезное исследование предметного мира, окружающего человека (познающего субъекта), естественно сталкивается с установлением соотношения субъекта и объекта его познания. Система объектов, подлежащих осмыслению, осознанию человеком всегда была и остается сложной. Это отчасти связано не только с безусловной многогранностью и возможностями творчески-познавательного мышления человека, но с многоликостью и многоуровневостью самих объектов, их неотъемлемым свойством иметь различные ассоциации у человека, который только и способен на максимально адекватное восприятие, как предметов-объектов, так и системы их свойств и качеств. Понятие цвета в этом ряду вовсе не исключение.

С самых древних времен человек размышлял над феноменом цвета, интересовался тем, является ли цвет субстанцией (опредмеченной сущностью) или он есть не что

иное как акциденция (случайное свойство, преходящее качество, нечто несубстанциональное). Одним из основных вопросов теории цвета является вопрос об онтологической сущности цвета, о форме физической реальности цвета. До сих пор нет четкого теоретически обоснованного объяснения онтологии цвета – что он собой представляет как физическую реальность. Научные дефиниции цвета в его онтологии, в его «досознательном» существовании как свойства окружающей человека среды в целом сводятся к следующим положениям: цвет определяется как свойство света вызывать определенные зрительные ощущения в соответствии со спектральным составом отражаемого или испускаемого излучения. Таким образом, изначально наука о цвете приобрела определенную «человекоцентричность» во всех своих преломлениях и аспектах. Как справедливо отмечает М.Ф.Мурьянов, *«цвет, порождаясь материей, в своем колористическом качестве существует только как свойство воспринимающей нервной системы, которое имеет особенности видовые. Материально в цвете данной вещи только то, что она излучает волны такой-то длины. Дальнейшее является психическим процессом, при всей кажущейся вещественности цвета, которую не следует путать с действительной вещественностью краски-носителя цвета. Материальность возобновляется в момент, когда мы произносим названия увиденного цвета или пишем его»*⁵. Данное мнение взято нами в качестве принципиальной основы нашего исследования, поскольку оно поддерживает и научно аргументирует наше понимание функциональной многоликости категории цвета и цветообозначений.

Во втором параграфе **«Цвет как неосознанная энергия»** цвет рассматривается как объект, как понятие, всегда связанное с чем-то предметным. Имеет предметную константу сам по себе, не будучи предметом. «Энергетическая» сущность цвета подмечена в истории науки о цвете давно, хотя мы не имеем достоверного ее объяснения до сих пор. Видимо, сказывается

⁵ Мурьянов, М.Ф. К интерпретации старославянских цветообозначений// – Москва: Вопросы языкознания, – 1978. № 5, – с.93-109.

консервативная характерология самого объекта и отсутствие метаязковой системы описания, не проваливающегося в русло лингвистического (и вообще филологического) представления цветов из истории становления науки колористики.

Во всех случаях целевого изучения цветоощущений и цветонаименований исследователи ставят во главу угла свойство первозданности материала, неосложненного иными социально-философскими категориями. Вполне возможно, что подобные «опытные образцы» наблюдений и их фиксация были в чем-то обоснованы. Так, например, научное обоснование вычленения «первоцветов» как белый – черный – красный или белый – красный – синий, может быть, и требует обращения к примитивным культурам. Установление предпочтительного отношения со стороны некоторых этносов к тому или иному цвету, безусловно, предполагало поиски доминантного показателя среды обитания, поскольку *«окраска непосредственных источников существования была исходным пунктом развития цветообозначений всех народов»*⁶.

Немаловажным было также учет основных форм деятельности народов в плане систематизации цветовых ощущений или наименований цветов. По одному тому, какие цветовые наименования доминирует в речи населения, можно было бы, например, догадаться о среде обитания.

Цветообозначение, как правило, бинарно – и называет и оценивает; оно в своем аксиологическом срезе всегда совмещает качество и временное начало этого свойства. Первобытный и средневековый человек выражался не точно, а полярно. Полярность вовсе не означает механическую комплексность. Она означает обобщенную диалектичность, когда свойство, качество не отрывалось от носителя этого качества, когда это качество очень часто и заменяло предмет – постоянный носитель этого качества. И это весьма логично. Называя

⁶ Селиверстова, О.Н. Опыт семантического анализа группы русских и английских глаголов с общим компонентом «излучать свет» // – Москва: Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку, – 1970, – с.98-116.

предмет деревом, он не называл его зеленым: деревья не всегда зеленые. А называя его зеленым, тем самым он называл и время фиксации – когда оно бывает зеленым.

Цвет – субстанция особого рода, неотъемлемая сущностная форма предмета, особый тип ориентации человека в окружающем мире. В своей материальной основе, как принято считать, цвета – это трансформированный свет. Без предметной основы нет цвета. Поэтому считаем, что «энергичное» осмысление цветоощущений дает основания для объяснения вопроса, почему цветоощущения (и естественно, цветообозначения) одинаково широко входят во все три среды языка – обыденную речь, поэтико-метафорическую область и область логики-лингвистических символов. Рассматривая цвет во всех этих трех проявлениях, мы приходим к выводу, что цвет по-разному передает смысл т.е. от прямого его значения до переносного.

Система цветообозначений, опирающаяся на результаты цветоощущения, цветовосприятия и цветоосмысления, таким образом, имеет свою диалектическую базу. Эта база – способность совмещения аксиологического (оценочного, коннотативного) и пространственно-временного начал. Строгое диалектическое совмещение отмеченных констант в смысловой структуре цветообозначений и есть основа трехмерного выражения последних: а) их словарно-лексического применения, б) их поэтико-метафорического употребления и в) их логики-символического осмысления.

Основные положения и материалы этой главы изложены в следующих статьях и материалах конференции⁷.

Вторая глава **«Лингвистические и поэтико-метафорические особенности цветообозначений»** состоит из четырех параграфов.

⁷Алиева, К.Н. Лингвистический и символический аспект цветообозначений // Proceedings of the 1st International Scientific and Practical Conference science: development and factors its influence, – Amsterdam, – 26-28 dekabr, – 2022, – s.104-109.; Теория цвета и этнокультурологическое восприятие цветов // – Пятигорск: Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, – 2013, № 1, – с. 163 – 168.

В первом параграфе «**Языковая (лексико-семантическая) характеристика цветоименований**» рассматривается объемная информация о семантической структуре двух групп цветоименований-оппозиции *черный* и *белый* и комплекса спектральных хроматонимов, т.е. цветов, входящих в спектральную систему. Аспект исключительно языковой характеристики «цветовых слов» разработан более детально и широко. Дело в том, что исследования самых различных сторон (измерительных, психологических, физиологических и т.п.) так или иначе привлекают языковой материал обозначения того или иного цвета – хроматического или ахроматического. Особо трудным оказывается определение того, что такое цвет. Субстанция цвета не может быть определена лингвистически, а в словарях понятие «цвет» определяется, как правило, опосредованно – через носители – предметы, для которых данный цвет является конститутивным, определяющим. И для того, чтобы более наглядно представить семантический облик того или иного цветового эпитета, чтобы найти способ наиболее выразительно называть чистый, яркий, без примеси цвет, писатели прибегают к таким аналитико-сравнительным конструкциям как *белый как снег, как молоко*», «*красный как мак*», «*зеленый как молодая трава*. Так, Л.М.Грановская, изучавшая особенности употребления прилагательных – цветообозначений в языке И.А.Бунина, отмечает: «*Внутреннее психологическое состояние своих героев Бунин чаще всего изображает через внешнее его проявление. Автор не описывает детально внутренних душевных движений, а раскрывает их путем изображения внешнего мира вещей в восприятии героя*»⁸. Сравнение количественных показателей использования цветоименований в поэзии и в прозе, как мы предполагали, должно было помочь нам в выяснении некоторых частных вопросов – о составе «основных» и «периферийных» цветов, о возможностях использования семантической силы того

⁸ Грановская, Л.М. Из наблюдений над языком И.А.Бунина (о некоторых особенностях употребления определений-прилагательных) // – Баку: Ученые записки Азербайджанского педагогического института языков им. М.Ф.Ахундова, – 1961. № IX. – с.253-266.

или иного цветонаименования в формировании метафорических конструкций в языке писателя. Наблюдения показали, что а) чем выше уровень поэтического языка, поэтическо-философского осмысления действительности, тем меньше хроматонимов используется в языке; в) прозаические тексты осваивают более широкий спектр цветообозначений в силу жанрова-языковой свободы и отсутствия жестких требований описания.

Так, в стихотворении «Azərbaycan» С.Вургунa колоронимы *ağ, qara* использованы и как первичная номинация цвета, и как элемент метафорической конструкции, и как элемент символического понятия:

*Qara xallı ağ üzlərə
Könül istər şeir yazsın.*⁹

Отметим, что как в русском языке, так и в азербайджанском в основном часто используются черный и белый цвета, а другие в основном используются в первичной номинации, т. е. для определения цвета. Но это не говорит о том, что другие цвета не используются в метафорических конструкциях. Они также имеют место особенно красный цвет, который обозначает в обоих языках в своем метафорическом значении нечто красивое и прекрасное. Например: *qırmızı donunu geyin* (т.е. самое красивое платье). Об использовании иных цветов говорится в следующих главах.

Широчайшая палитра цветообозначений характерна для прозы. В ней реализуются большие возможности однозначной цветовой оценки увиденного. Так, М.Ибрагимов использует цветообозначения в следующих контекстах.

1. Цветономинации в составе паремнофразеологических конструкций (обычные обозначения *ağ, qara*): – *Allah kasıblığın üzün qara eləsin! – dedi*; – *O, xalqın bədənində qara bir yaradır ki, kəsilib atılmayınca bu bədən sağalmayacaqdır*.¹⁰

⁹ Vurğun, S. Seçilmiş əsərləri: [5 cildə] / S. Vurğun. – Bakı: Şərq-Qərb, - 1 cild, - 2005, - 264s.

¹⁰ İbrahimov, M. Seçilmiş əsərləri: [2 cildə] \ M. İbrahimov. – Bakı: Şərq-Qərb, - c.2, - 2005. - 504 s.

2. Цветообозначения в функции первичной цветовой номинаций: *Faytonçu qırmanğı havada yellədikdə, boynu qırmızı qotazlı və zıncırovlu atlar hərəkətə gəldi; – Şəmsiyyə<...> ingilis malından sarı şal paltar, qırmızı və göy zolaqlı üstü açıq tuflı geymiş, başına şlyapa qoymuşdu*¹¹.

3. Цветонаименований в текстах обобщенно-метафорического, субъективно-ассоциативного значения: *Yarıbuludlu bir hava idi. Uzaqda buludların arasında, mavi göylərdə ulduzlar parlayırdı*¹².

Из перечисленного, мы видим, что цветообозначение используется в следующих контекстах:

1) цветономинация в составе паремии-фразеологических конструкций; 2) употребление цветообозначений текста функции первичной цветовой номинации; 3) использование цветонаименований в текстах обобщенно-метафорического, субъективно-ассоциативного значения.

Во втором параграфе «**О семантической структуре слов-цветообозначений**» раскрывается семантическая структура слов-цветообозначений.

Проблема структуры значения отдельного слова, остается дискуссионной во многих своих деталях. Значение слова определяется либо а) с точки зрения особой языковой формы отражения действительности, либо б) «как отношение между звуковым комплексом и понятием», которое складывается в ассоциативной памяти человека, либо в) как *отнесенность отмеченного звукового комплекса к явлениям действительности – к предметам, фактам, ситуациям*¹³.

Хотелось бы отметить ещё одну сферу функционирования цветолексем, в которой происходит максимальное сплетение смысловых элементов. Это – область поэтической метафорики, определение механизма «работы» метафорических конструкций

¹¹ İbrahimov, M. Seçilmiş əsərləri: [2 cildə] \ M.İbrahimov. – Bakı: Şərq-Qərb, – c.2, – 2005. – 504 s.

¹² Там же.

¹³ Шмелев, Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д.Н.Шмелев. – Москва: Просвещение, – 1964. – с.69.

– один из трудноуловимых компонентов системы функционирования языковых единиц.

При языковом осмыслении реальности смысловой структуры цветонаименований немаловажное значение имеет изучение функционирования цветолексем в поэтической метафорике. Само по себе определение механизма «работы» метафорических конструкций – один из трудноуловимых компонентов системы функционирования языковых единиц.

Что касается теоретического объяснения семантической структуры метафорического сочетания, где участвует цветолексема, то следует признать этот вопрос слишком проблемным. Этот вопрос может стать предметом специального исследования. Поскольку общеизвестно, что в структуре метафоры обязательно сталкиваются два когнитивных мира – мир логики, логического мышления, и мир мифа, мифологического мышления. Так, например, Ф.Ницше считал, что человеческое познание, его познавательные модели в принципе метафоричны, *«имеют эстетическую природу и не оперируют понятием верифицируемости»*¹⁴. Данный тезис вполне объективно рисует картину сложнейшего механизма «жизнедейственности» метафоры как системы, в которой эстетические, философские, логические и лингвистические параметры оказываются функционально нерасторжимыми,

В третьем параграфе **«Цветообозначения в единицах паремиологического фонда языка»** рассматривается паремиофразеологический фонд русского и азербайджанского языков. Естественно, чтобы лучше всего узнать дух какого либо народа, в основном исследователи обращаются к паремиологическому фонду того или иного языка. Также рассматриваются пословицы и поговорки. Употребление цветовых конструкций в этих сочетаниях конечно же имеет место. Так как через частотность употребления цветовых обозначений можно узнать род деятельности, природу, дух того или иного народа.

В целях лингвopsихологического осмысления системы «цветофактов», цветообозначений лучше всего и эффективнее, на

¹⁴ Теория метафоры. – Москва: Прогресс, – 1990. – с.12.

наш взгляд, серьезным образом исследовать язык фольклорных, особенно средневековых, памятников, язык паремиологического фонда. Первичным этапом цветоощущений и их обозначения в языке является осмысление оппозиции черного и белого цветов, которые изначально (и поразительно верно) воспринимались синкретично – как цвета и как наличие / отсутствие света. Это доказано современными лингво-психологическими разработками. Паремиио-фразеологический фонд языка материально подтверждает эту линию оценки цветовосприятия и его обозначения. В паремииофразеологическом лексиконе русского и азербайджанского языков «цветовая гамма» представлена в основном обозначениями черный и белый. Изредка некоторые пословично-фразеологические конструкции включают слово «красный». Например: *Qaradan artıq rəng yoxdur*; *Ağ divara hansı rəng çəksən tutar*; *Бело – бело, черно – черно*.

Красный же цвет имел значение чего-то светлого, красивого. Красный использовалось в народных верованиях не столько как цвет из ряда радужных, а такое же физическое состояние среды. Наблюдения показывают, что в паремиологическом фонде как русского, так и азербайджанского доминантную позицию занимают ахроматические цвета *ağ-qara* (*черный и белый*). Среди хроматических, конечно, выделяется *красный* (*qırmızı*) со своими смысловыми вариантами, функционирование которых одиноково характерно и для паремииофонда русского языка. Цветонаименования *зеленый* и *желтый* для паремиологического фонда обоих языков носит нетипичный характер. Эти обозначения фигурируют в своих качественно-зависимых значениях. Примером этого могут быть баяты:

*1. Yar geyinib tamam al, 2. Bir qız gördüm biçində,
Tamam yaşıl, tamam al... Sarı sünbül içində...*¹⁵

Цветообозначения, представляющие основные цвета (черный, белый, красный, синий, желтый) проявляют примечательную активность в системе словообразовательной семантики. Они составляют группу слов, группу прилагательных, которые конвертируются в глаголы. И в той же

¹⁵ Bayatılar. – Bakı: Azərneşr, - 1960. – 225s.

форме употребляются практически во всех «жанрах» языка-речи: *белый – белее – белеет, становится белым (или белее) – бел / бела / бело; беловатый / беловатее* и т.п.

– *Врет и не краснеет; – Изба красна не углами, а порогами; – Сколько ни мой гагару (черного кабеля), белее не станет.*

Цветообозначения «вторичной номинации» типа *шафрановый, серебряный, гранатный, железный, бутылочный, изумрудный, бирюзовый, вишневый* и др., а также широкий список сложных цветообозначений (бело-голубой, черно-бурый и т.п.) не обладают такими широкими возможностями образования новых наименований. Эта закономерность, общая для обоих языков, представляет основу для лингвистической систематизации основных хроматических, ахроматических в противовес неосновным хроматическим цветоименованиям. Дериватологические возможности обозначений белый, черный, красный и т.п. базисных цветов создают твердую языковую почву для их противопоставления так называемым вторичным хроматическим цветообозначениям.

В четвертом параграфе **«Вопросы поэтико-метафорической (идиостилистической) характеристики цветообозначений»** рассматриваются вопросы поэтико-метафорической характеристики цветообозначений.

Ряд исследователей пытаются определить «цветовой вкус» этноса народа через призму языковых данных современной эпохи. Современный язык, особенно в своей общенародной речевой форме, особых дифференциальных норм в плане установления степени значимости того или иного цвета (и его обозначения) для этноса не предъявляет. Многие современные языки проявляют интерес к охвату всего многообразия «цветопроявлений», в силу чего в них появляется тенденция к «скрупулезной» точности передачи цветовых оттенков.

Так как тема исследования основан на разработке этих проблем на основе русского и азербайджанского языков. То, взяв в основу эти два языка, мы видим, что осмысление цветов имеет разграничения. Например: отношение к белому цвету у русского человека или к зеленому – у азербайджанца в разные исторические

эпохи нельзя считать однозначно стабильным. Одним из доказательств тому могут быть наблюдения по использованию цветовой лексики у отдельных авторов, особенно наблюдения над эволюцией семантической структуры одной определенной лексемы – цветоименования (см. работы Н.Б.Бахилиной о различных цветолексемах, а также работы: Ю.С.Языковой, Л.М.Грановской, Н.В.Коптевой, В.М.Адилова и др.).

Изучение же цветовой лексики в творчестве отдельных мастеров художественного слова – один из аспектов изучения системы цветообозначений того или иного языка. В художественно-поэтическом тексте, как известно, всякое цветоименование живет своей тройной жизнью – в качестве обычного прилагательного со значением цвета, в качестве элемента метафорической конструкции и, наконец, в качестве особенного символического, философско-обобщенного понятийного знака. Подобное освещение проблемы идиостиля помогает выявлять так называемые авторские (несистемные) употребления в противовес общенародному применению данной лексемы и общенародного ее значения, поскольку в структуре художественного (особенно поэтического) текста каждый уровень построения отвечает общей художественно-философской и этической направленности индивидуальной творческой системы автора. Степень мастерства в художественном использовании хромолексем, действительно одна из ярких моментов идиостиля того или иного автора. Рассматривая функционально-семантическое усиление понятия за счет сочетания несочетаемого (оксюморонизации) в языке И. Бунина Л.М.Грановская дает, на наш взгляд, глубинную трактовку данного приема, широко используемого писателем: *«В ряде случаев прилагательные, обозначающие цвет, сочетаются с существительными, которые сами заключают значение цвета. Таковы малиновая краснота, черная темнота, голубая бледность, темная смуглость, лиловая синева и др. В создании таких сочетаний проявилось умение писателя дать очень четкие оттенки тона, доступные в*

большинстве случаев только восприятию художника. Бунин, в сущности, решает здесь чисто живописные задачи»¹⁶.

У каждого поэта или писателя есть свои излюбленные понятия, которыми он «манипулирует» так, как никто из ряда других. Так, например, А.Блок проявляет особое отношение к синему и черному цветам.

В одноименнике А.Блока, где собраны его значительные произведения (стихотворения и поэмы в объеме примерно в 700 страниц) слово *лазурный* (из семантического поля синий) в семантико-лексических вариантах типа лазуревый, лазурь и т. п. употребляется около шестидесяти раз. В творчестве А. Ахматовой превалирует черный (*Рыдая у черных ворот; Закрой эту черную рану* и т.п.). Идиостиль «индивидуальности» автора ярче всего проявляется в его «цветовидении», которое участвует в системе метафор-переносов более активно.

Цветонаименования активно включаются в систему параметров, формирующих особую разновидность предикативной формы – «номинативной предикации» и дискурсивного предикативного членения. Для полной иллюстрации отмеченного обратимся к следующему примеру:

*Qara cilddə çap eləyin kitabımı
Məndən sonra.
Qara cilddə
Tünd qara.
Qoy qara kağızım olsun
O kitab dostlara, tanışlara.*¹⁷

В стихотворении слово *qara* можно сказать, представлено во всей парадигматической полноте, которая достигается употреблением: а) в прямом, первичном значении; б) в метафорическом (вторичном); в) в разноликих фразеологизмах системной формы и идиостилистически маркированных.

¹⁶ Грановская, Л.М. Из наблюдений над языком И.А. Бунина (о некоторых особенностях употребления определений-прилагательных) // – Баку: Ученые записки Азербайджанского педагогического института языков им. М.Ф.Ахундова, – 1961. № IX, – с. 259.

¹⁷ Araz, M. Vəsiyyət. [electron resurs] / www.memmedaraz.az

*Основные положения и материалы этой главы изложены в следующих статьях и материалах конференции.*¹⁸

В третьей главе «**Символическое осмысление цветов и цветообозначений**» рассматриваются лингвологические и символические парадигмы основных цветов, подробно освещаются символические парадигмы всех спектральных цветов. Глава состоит из одного параграфа и семи пунктов. В этой главе рассматриваются все семь основных цветов их метафорическом и прямом значении. В основном примеры показаны из литературы как русской так и азербайджанской, а также употребление этих цветов в паремиологическом фонде того или иного языка.

Прежде чем перейти к индивидуальному представлению цветов и цветообозначений в этом ракурсе, хотелось бы вспомнить некоторые ключевые положения, связанные с систематикой нашего понимания онтологии и функциональной жизни цветов:

а) цвет – особая субстанция, имеющая цветоцветовую основу: без эталонного света нет цвета;

б) цвет немислим без носителя – предмета или явления (реального или мыслимого);

в) цвет – субстанция, обладающая исключительной спецификой функционирования на трех уровнях языковой системы (обыденного языка-речи, поэтико-метафорической сферы и абстрактно-символического уровня) и эмоционально-психологического эффекта трансцендентного совмещения категорий пространства и времени в единое нерасторжимое целое;

г) цвет вычленяется в особую мироаксиологическую сущность, характеризующуюся определенной мистической энергетикой (энергичностью) «живостью», которая позволяет

¹⁸ Идиолистическая характеристика цветообозначений//– Баку: Dil və ədəbiyyat. Bakı Dövlət Universiteti. Beynəlxalq elmi-nəzəri jurnal, – 2020, – с.144 –147.; Символика цвета во фразеологических оборотах русского и азербайджанского языков // Межнаучная интеграция: лингводидактический, лингвокультурологический и психолингвистический аспекты, – Сумгаит. СГУ, – 19–20 декабря, – 2019, – с.110–111.

цвету быть осмысляемым даже в контрастных смыслах – настолько широк диапазон функциональной семантики (белый – цвет богов, святых, праведников и белый – цвет савана покойников, проказы, смерти);

д) комплекс доисторических и современных смыслов цвета, т.е. компонентов, конститутивных для целостного понимания феноменологической парадигмы каждого отдельного цвета, составляет структуру глубинного смысла цвета

Символическая парадигма белого цвета. «Прародитель» всех цветов, он выделялся как особый цвет уже в глубокой древности, выделялся как самый светлый из всех цветов. Белый – светоносный цвет, он по большому счету «не обозначает» цвет, а является им. В культуре Ислама белый цвет почитаем особенно: сам Аллах – «свет небес и земли» и сам Пророк Мухаммед носят белые тюрбаны. Видимо, поэтому в тюркских языках, в том числе – в азербайджанском, слово *ağ* (белый) имеет преимущественно позитивные значения – *ağ, təmiz, ləkəsiz, bəkirə, sədaqətli, düz, gözəl; ağıq, göz ağı; ağartı (süd məhsulları)*¹⁹. Практически во всех позитивных смыслах-значениях, реализуемых на уровне обыденной речи, поэтико-метафорической семантики и символической сферы, слово *белый* четко противопоставлено слову *черный* практически во всех словесно-языковых смыслах. Символическую суть белого цвета определяется также способностью генерировать все хроматические цвета. Во многих цивилизациях данная способность белого цвета-света была строго канонизирована. Так, например, в Индии и Китае белому цвету придавали мистический и трансцендентный смысл, исходящий не из чувственных восприятий или ассоциаций, а из визуализации философско-религиозных доктрин.

Символическая парадигма черного цвета. Данный цвет всегда системно соотнесен лишь с белым. Об этом свидетельствуют не только физические данные колористики (свет – не свет), но и языковые экспликации сути черного и

¹⁹ Кононов, А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // – Москва: Тюркологический сборник. – 1978. – с.170-172.

белого цветов. В этом плане особенно выразительны в своих философско-онтологических смыслах азербайджанские поговорочные конструкции *Qaradan artıq rəng yoxdur*; *Qaran ağdan seçəndə gəl*; *Qara günün ağ günü də var*²⁰. В народной фразеологии весьма часто встречается значение зависимости, невезучести утешения, и т.п.: *qara qorxu gəlmək (qara gözlük gəlmək)*; *qara əmcək (doğulan körpəsi olan qadın*²¹); у него черный глаз — он полон зависти²². Черный цвет, его изначальная смысловая функция — быть противовесом белому цвету (в системной связи наличие / отсутствие цвета).

Символическая парадигма красного цвета. Самый поэтизированный среди всех цветов. Он занимает широкое поле в системе устойчиво-фразеологических и прочих устоявшихся языковых выражений: *малиновый звон*, *Красная площадь*, *Красный яр*, *королевский пур-пур* и *qızıl meydan*, *qırmızı divaq*, *qırmızı adam* и т.п. Внутреннюю форму» смысла красного цвета, его глубинные семантические параметры, на наш взгляд, составляют все же сугубо космогонические связи и представления, хотя главной ассоциативной базой является цвет крови.

Красный цвет редко встречается в паремиологическом фонде русского и азербайджанского языков. Но смысл передачи в основном один и тот же. В обеих культурах он используется как нечто красивое, как оберег от глаз, как символ любви и преданности.

Зеленый цвет самый приятный и успокаивающий цвет. Он нас сближает с природой. Исследователи-колористы, занимающиеся изучением средневекового представления цветонаименований, развития их семантико-символического значения, как правило, демонстрируют комплексный анализ; в сферу такого анализа включаются как лингвистические, так и

²⁰ Altaylı, S. Azərbaycan türkcəsi deyimlər sözlüyü / S.Altaylı. – Ankara: – 2005. – s.354.

²¹ Altaylı, S. Azərbaycan türkcəsi deyimlər sözlüyü / S.Altaylı. – Ankara: – 2005. – s.352.

²² Афанасьев, А.Н. Древо жизни. Избранные статьи / Афанасьев А.Н. – Москва: – Современник, – 1982. – с. 67.

физические (насыщенность, тон и т.п.), психологические (воздействие на человека – положительное/ отрицательное), иногда даже медицинские (цветотерапия) параметры. Особенно это видно в работах литературоведов.

Лингвистическая и поэтико-символическая судьба *зеленого* цвета в русском и азербайджанском языках во многом различаются. В азербайджанском языке прилагательное *yaşıl* не этимологизировано. Оно пришло скорее всего из поэтического языка, представляет, видимо, позднее образование. Особым специфическим смысловым употреблением, семантикой не характеризуется, поскольку в основном выступает в качестве синонимической лексемы относительно слов *göy, tavi*. Зеленый цвет для русского человека (православного) и для азербайджанца (мусульманина) не может быть адекватным. Во-первых потому, что слово *yaşıl* нынче только устанавливает свои права в азербайджанском языке. Однако символическое (даже геральдическое) его значение ясно всякому азербайджанцу со времени осмысления своих религиозных предпочтений. Например:

*А за то, что истомился ты в своих трудах,
Изумрудный стяг твой будет реять в двух мирах*²³

*А когда свой плащ зеленый Мухаммед надел,
Перед ним Бахрам багряным цветом заблестел*²⁴

Символическая парадигма желтого цвета. Будучи одним из спектральных, имеет специфическое место как в цветосимволике, так и в геосимволике. Н.В.Коптева, рассматривавшая предметную и вербальную символику желтого цвета в русской этнической культуре, утверждает, что предметная символика желтого в русской языковой и предметной культуре отрицательная: *«желтый цвет символизирует увядающую осеннюю природу, нездоровый цвет болезненного состояния человека, особые*

²³ Гянджеви, Низами. Собрание сочинений (на русском языке): [в 3-х томах] / Низами Гянджеви. – Баку: Азернешр, Том 2. – 1991. – 686 с.

²⁴ Там же.

болезни»²⁵. Но желтый цвет занимает в цветовой символике Ислама иное место: золотой (желтый) символизирует здесь славу, успех, богатство, торжество.

Желтый цвет в основном в своем символическом значении передает страдание, болезнь, разлуку. Например дарить любимому человеку желтые цветы ведет к расставанию. Поэтому он в основном символизирует нечто умирающее и увядающее, но конечно же это не относится ко всем языкам.

Символическая парадигма синего цвета. Синий цвет изначально связывался с небом, чистотой. Особенно это значение развито в тюркской мифологии, где *Tanrı* (Тенгри) – бог Неба, верховный Бог обозначались одним словом *Göy*. Так в азербайджанском фольклоре, особенно в системе баяты, *göy* (синий) приписывается коню героя, стремящегося совершить значительные добрые дела. Наряду с положительно – сакральными символами *синий* может выражать в мифологии разных тюркских этносов также и глубокую печаль, связанную со смертью молодых воинов:

– *Anam mənim üçün göy geyib qara sarımsın*²⁶.

Символическая парадигма голубого цвета. Голубой цвет считается «сателлитом» синего цвета. Поэтому практически в абсолютном большинстве энциклопедических источников дефиниции сугубо колористические и даже символические у этих цветов совпадают. Голубой цвет – это «разбавленный» белым синий цвет. Поэтому архетипической символической основой голубого цвета остаются те же концепты, что и у белого и синего цветов (чистота, благородство, ясное небо), с той лишь разницей, что сложившаяся у белого и синего цветов негативная символическая сторона голубому цвету не приписывается.

Основные положения и материалы этой главы изложены в следующих статьях и материалах конференций²⁷.

²⁵ Коптева, Н.В. Предметная и вербальная символика желтого в русской этнической культуре // Язык как система и деятельность, – Ростов-на-дону: – 2005. – с. 28.

²⁶ Kitabi-Dədə Qorqud / Tərtib edəni S. Əlizadə – Bakı: Öndər, – 2004. – 375 s.

В заключении представлены основные выводы и обобщения, вытекающие из содержания диссертации.

В результате нашего исследования, мы пришли к выводу, что во всех нами рассматриваемых нами пластах языка основными цветами как в русском, так и в азербайджанском языке являются белый и черный цвет. Наш метод определения основных цветов основан на учете особенностей действия цветообозначений на всех трех уровнях языкового функционирования – в повседневной речи, в системе поэтико-метафорических и в системе логико-символических конструкций. Наблюдения показали, что чем шире возможности того или иного цветоименования во всех трех сферах, тем сильнее его позиции в геосимволике, антропосимволике, геральдике и т.п. В диссертации мы отметили, что по существу, белый и черный – это не цвета и не стоят в оппозиции, а являются физическим состоянием среды по максимальному наличию или отсутствию света. Остальные же, цвета также встречаются в языке, но не так часто, как белый и черный цвет.

В изучении системы цветообозначений сделано много. Можно отметить ряд серьезных монографических работ и достаточное количество интересных теоретических статей. В нашей работе предпринята попытка трансязыковой характеристики цветообозна-

²⁷ Алиева, К.Н. Символическая парадигма желтого цвета в русском и азербайджанском языках // *Doktorantların və gənc tədqiqatçıların XXI Respublika Elmi konfransının materialları. II hissə*, – Bakı: BDU, – 24-25 dekabr, – 2017, s.173-175; Символическая характеристика красного и зеленого цвета в русском и азербайджанском языках // – Карачаевск: Традиции и инновации в системе образования, – 2020. № 19, – 12-17; Синий, как саттелит голубого цвета в русской и азербайджанской литературе// XII International scientific and practical internet conference Modern movement of science, – Днепр: – 10 апреля, – 2021, – с.238-239; Символическая парадигма белого цвета в русском и азербайджанском языках //– Баку: Вопросы филологии, – 2012, № 7, – с. 78-83; Символическая парадигма белого цвета в русском и азербайджанском языках // Актуальные проблемы азербайджановедения. Международная конференция, – Баку: БСУ, – 2-5 мая, – 2012, – с. 315-319; Символическая парадигма красного цвета // – Баку: Актуальные проблемы изучения гуманитарных наук, БСУ, – 2011, № 4, – с. 78-81; Символическая парадигма черного цвета в русском и азербайджанском языках //– Баку: Вопросы филологии, – 2011, № 13, – с. 479-483.

чений, т.е. цветопонятия нами рассматриваются как языковые средства, пронизывающие все три пласта языка-речи – и обыденную речь, и сферу поэтико-метафорических структур и структуру символических смыслов. К анализу привлекаются материалы русского и азербайджанского языков, устанавливаются точки пересечения смыслов в обоих языках и точки спецификации, когда языковое осмысление и представление того или иного цветопонятия выглядит уникальным.

В качестве исходной позиции мы определили, что изолированного понимания цвета как реального объекта нет, цвет всегда связан с объектом, будучи его константой. При этом мы исходим из энергетической природы цвета. Это обязательное свойство не могло быть игнорировано человеком, который осмыслял, осознавал цвет на протяжении длительной истории.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях автора:

1. Прилагательное зеленый понятийно-синтаксическая сочетаемость и метафорические смыслы // – Баку: Актуальные проблемы изучения гуманитарных наук, – 2009, № 6, – с. 55-59.
2. Некоторые соображения о корреляции черного и белого цветов // – Баку: Ученые записки, – 2010, № 4, – с. 87-93.
3. Символическая парадигма голубого цвета // – Баку: Ученые записки, – 2011, № 4, – с. 136-139.
4. Символическая парадигма красного цвета // – Баку: Актуальные проблемы изучения гуманитарных наук, БСУ, – 2011, № 4, – с. 78-81.
5. Символическая парадигма черного цвета в русском и азербайджанском языках // – Баку: Вопросы филологии, – 2011, № 13, – с. 479-483.
6. Символическая парадигма белого цвета в русском и азербайджанском языках // – Баку: Вопросы филологии, – 2012, № 7, – с. 78-83.
7. Символическая парадигма белого цвета в русском и азербайджанском языках // Актуальные проблемы

- азербайджановедения. Международная конференция, – Баку: БСУ, – 2 – 5 мая, – 2012, – с. 315-319.
8. Теория цвета и этнокультурологическое восприятие цветов // – Пятигорск: Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, – 2013, № 1, – с. 163-168.
 9. Символическая парадигма желтого цвета в русском и азербайджанском языках // Doktorantların və gənc tədqiqatçıların XXI Respublika Elmi konfransının materialları. II hissə, – Bakı: BDU, – 24-25 dekabr, – 2017, s.173-175
 10. Символика цвета во фразеологических оборотах русского и азербайджанского языков // Межнаучная интеграция: лингводидактический, лингвокультурологический и психолингвистический аспекты, – Сумгаит. – СГУ, – 19-20 декабря, – 2019, – с.110-111.
 11. Символическая характеристика красного и зеленого цвета в русском и азербайджанском языках // – Карачаевск: Традиции и инновации в системе образования, – 2020. № 19, – с.12-17.
 12. Идиолистическая характеристика цветообозначений //– Баку: Dil və ədəbiyyat. Bakı Dövlət Universiteti. Beynəlxalq elmi-nəzəri jurnal, – 2020, – с.144-147.
 13. Синий, как саттелит голубого цветв в русской и азербайджанской литературе // XII International scientific and practical internet conference Modern movement of science, – Днепр: – 10 апреля, – 2021, – с.238-239.
 14. Символика цвета в поэме Низами «Семь красавиц» // Türk dünyası: geosiyasət və mədəni reallıqlar. Beynəlxalq elmi-praktik konfransın materialları, – Bakı: Mütərcim, – 8 dekabr, – 2021, – s. 96-99.
 15. Лингвистический и символический аспект цветообозначений // Proceedings of the 1st International Scientific and Practical Conference science: development and factors its influence, – Amsterdam, – 26-28 dekabr, – 2022, – s.104-109.
 16. Ахроматические цвета в паремиио-фразеологическом фонде русского и азербайджанского языков // Azərbaycanşünaslığın aktual məsələləri: tədqiqat, elmi diskurs, beynəlmiləlləşmə, – Bakı. II cild, – 04-05 may, – 2023. – s.320-321.

Защита диссертации состоится 07 июня 2024 года в 14:00
на заседании Разового Диссертационного совета BFD 2.13/1,
действующего на базе Диссертационного совета ED 2.13
Бакинского славянского университета.

Адрес: AZ 1014. Азербайджан, г.Баку, улица С.Рустама 33.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Бакинского
славянского университета.

Электронная версия автореферата размещена на официальном
сайте Бакинского славянского университета.

Автореферат разослан по соответствующим адресам 19
августа 2024 года.

Подписано в печати: 18.03.2024

Формат бумаги: А5

Объем: 40780

Тираж: 70